

Переход к сложному, нелинейно развивающемуся социуму: вызовы для России

С.А. Кравченко

В статье рассматриваются проблемы вступления человечества в сложный социум. Сложные социальные реалии соответственно востребовали теорию сложности. В контексте ее базовых принципов анализируются риски «мирового общества риска» (У. Бек). Одна из черт сложного социума – радикальные изменения морали как социального института. Предлагается концепция текучей морали и ее переоткрытия. Автор утверждает, что текучая мораль способствует адаптации к более сложной социальной и культурной динамике.

Согласно постулату «стрелы времени», обоснованному лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеет место саморазвитие материи, ускоряющаяся, а главное – ее усложняющаяся динамика, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам. Мир и Россия перешли определенный порог динамической сложности в развитии социума. Социум стал качественно иным – сложным. За этим стоит то, что наступил «конец определенности»¹, в нашу жизнь пришли тенденции самоорганизации, нелинейности и альтернативности развития, что точки бифуркации, по существу, становятся нормой, а переход к открытости ведет к резкому росту числа культурно гибридных компонентов.

Возникают необратимые процессы, связанные с воздействием человека на природу, увеличивается роль фактора сетевых взаимодействий в контексте перехода к «вневременному времени», скорость общественных изменений приводит к тому, что увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего. Все это затрагивает функци-

онирование жизненных референтов, включая ценности, авторитеты, представление о добре и зле. Сложность социума, являющаяся становящейся реальностью, требует новой парадигмы мышления и новых управленческих подходов для функциональной адаптации страны к возможным вызовам.

Черты сложного социума – как они изменяют нашу жизнь. Практически все социальные теоретики единодушны во мнении, что социум, в котором мы ныне живем, радикально отличается от того, каким он был 100 и даже 50 лет назад, и потому экстраполировать «закономерности», тенденции общественного развития, обоснованные ранее, на современные социальные реалии просто некорректно. Вместе с тем сложность социума весьма многогранна и трактуется по-разному. Отметим некоторые характерные подходы к интерпретации сложного социума.

Как считает российский академик В.С. Степин, утверждаются саморегулирующиеся системы, качества которых не сводятся к свойствам их частей². По оценке президента (2002–2006) Всемирной социологической ассоциации П. Штомпка, нормой ныне является становление

Кравченко Сергей Александрович – д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России. Статья написана при поддержке гранта ректора МГИМО(У) МИД России академика А.В. Толкунова.
E-mail: sociol7@yadex.ru

■ Социология

(becoming) социума, которое происходит в контексте разрывов и социокультурных травм³.

Для сложного социума также характерно развитие новых типов рациональности, среди которых – рефлексивность⁴, гавернментальность⁵, макдональдизация⁶, играйзация⁷ и др. Как показали их исследователи, последствия этих рациональностей амбивалентны:

– с одной стороны, они создают новые образцы определенности и референтности, которые так важны в условиях социальной турбулентности (именно этой проблематике посвящен X Конгресс Европейской социологической ассоциации, Швейцария, Женева, 2011);

– с другой стороны, – они дисфункционально влияют на традиционные социальные регуляторы, на духовную жизнь общества.

Пришедшие в нашу жизнь неопределенности и турбулентности не предполагают беспорядок вообще. «Сложность, – замечает известный английский социолог Дж. Урри, – утверждает «научные» основания неопределенности, но тем не менее она необычным образом организована... нет простого роста беспорядка... Например, турбулентные потоки воды и воздуха, кажущиеся хаотичными, являются высоко организованными»⁸. Полагаем, с данных методологических позиций можно анализировать миграционные потоки в современной России. Отдельно взятые перемещения людей представляются хаотичными, но их результирующая составляющая позволяет выявлять вполне конкретные тенденции организации и самоорганизации, которыми в принципе можно и нужно управлять.

«Порядок и хаос – заключает Урри, – выражают определенное состояние баланса, в котором компоненты ни полностью замкнуты в конкретном месте, ни полностью исчезли в анархии»⁹. Это принципиально новый взгляд на природу социального порядка, факторы его обеспечивающие. Согласно воззрениям классика социологии Т. Парсонса, чья теория порядка функционирования социальных систем считалась эталоном, иерархия ценностей и норм, пронизывающая все уровни общества, задействует механизмы, которые в случае тех или иных девиаций достаточно эффективно восстанавливают социальное равновесие¹⁰. Однако ныне ситуация меняется: по мере усложнения социума «усилия по восстановлению социального порядка почти всегда порождают дальнейшие непредвиденные последствия, – отмечает Урри. – Они часто такого характера, что отодвигают общество дальше от упорядоченного равновесия»¹¹. Более того, «социальный порядок в одной стране всегда зависит от ее сложных связей с эмерджентными транснациональными отношениями»¹².

Сказанное, в частности, подтверждается тем, что современные финансовые турбулентности в одной европейской стране лихорадят всю зону евро. Волны от них не могут не затронуть и финансовую систему России, которая со своей стороны делает все возможное для решения возникших проблем.

В условиях сложного социума последствия политических действий, казалось бы даже малозначимых, проявляются нелинейно во времени и пространстве. «Небольшие изменения в прошлом, – пишет Дж. Урри, – способны потенциально произвести огромные последствия в настоящем или будущем. Такие маленькие события «не забываются». Теория хаоса, в частности, отвергает представления здравого смысла о том, что только большие изменения могут вызывать большие последствия... Выразим эту мысль проще – нет согласующихся отношений между причиной и результатом события. Скорее отношения между переменными могут быть нелинейными с внезапным включением происходящего, так что одна и та же причина может в специфических обстоятельствах производить разные виды последствия»¹³.

Полагаем, реалии сложности подтверждают «естественность» многих нелинейных, взрывных событий в истории нашей страны, как отложенный результат того или иного политического решения. Так, идеал «открытости» как «общечеловеческая» ценность был востребован руководством М. Горбачева при разработке политики «нового мышления». Казалось бы, это было весьма «небольшое изменение», которое в принципе не может угрожать «универсальным истинам» коммунистической идеологии. Но это маленькое событие «не забылось»: в страну устремилось принципиально иное знание, способствующее образованию культурных гибридов. Этого последствия ригидная коммунистическая идеология просто не выдержала.

Нелинейно, весьма неожиданно для властей разразился вполне прогнозируемый с позиций теории сложности взрыв «универсальных» стереотипов и догм, вызвавший «эффект «Титаника», по Урри – «хороший пример комплексной взаимосвязи систем»¹⁴. Радикальная трещина в идеологии повлекла за собой хаотическую ликвидацию «железного занавеса», а далее – падение Берлинской стены, развал социалистической системы и Совета Экономической Взаимопомощи, наконец распад СССР. Заметим, практически все религиозные и идеологические деятели выступают против открытости своей веры или идеологии, некоторые даже избегают прямых контактов (встреча нашего патриарха с папой римским до сих пор не состоялась).

С тех пор Россия превратилась в действительно открытое общество, и независимо от нашего желания все чаще случаются многочисленные маленькие события, которые «не забываются». Их последствиями при условии дисфункциональности управления могут стать более или менее частые «нормальные аварии». Американский социальный теоретик Ч. Перроу, который ввел этот термин в научный оборот, показал, что несчастные случаи, катастрофы зачастую вызваны не грубыми просчетами, а человеческой ошибкой, обусловленной его естественным (нормальным) взаимодействием со

сложными системами. Если система обретает определенные характеристики сложности, то «неожиданные и взаимновлияющие друг на друга неудачи становятся системно неизбежными»¹⁵. Подчеркнем, что Перроу ведет речь о «системных авариях», а не об авариях, вызванных индивидуальной ошибкой¹⁶.

Ныне движение к еще большей открытости уже достаточно открытого социума, обретение им при этом новых параметров сложности вызывает не только восторг по поводу реально появившихся свобод, но и социальные страхи и тревоги. Они связаны с приходом в нашу жизнь нестабильности и неопределенности, опасений внешнего характера¹⁷. Минимизировать «нормальные аварии» можно не большим управленческим воздействием, а относительно маленьким, но системным эффектом в виде нахождения оптимального соотношения между организацией и самоорганизацией. Ныне системное воздействие гораздо более эффективно, чем простое суммарное сложение инициатив социальных акторов.

По нашему убеждению, такие сложные проблемы, как обеспечение безопасности, борьба с преступностью, коррупцией и т.д., нельзя решать «всем миром», что в относительно закрытом и простом социуме могло приносить свои очевидные результаты. Сложный же социум требует системного воздействия, что, в частности, может быть использовано для разработки и утверждения определенной модели управляемой открытости. По нашему мнению, определенные контуры ее начали только-только формироваться, но этот процесс происходит весьма хаотично в виде кратковременных реакций на конкретные внешние вызовы. Здесь же, подчеркнем еще раз, необходимо системное воздействие.

Сложный социум несет с собой очевидные взаимозависимости между народами, культурами, организациями, технологическими системами, распространяясь по всему миру в виде пространства сетей. Эти взаимозависимости проявляются в самых разных связях, которые по своему содержанию усложняются. Связи в сетях могут быть как сильными, долгоживущими, так и слабыми, относительно короткими по времени. Однако слабые связи даже в виде простых знакомств или информационных потоков могут при определенных условиях резко повышать функциональную эффективность (приводить к успеху в поиске работы).

Особое внимание Дж. Урри уделяет связям в виде «странного явления «маленького мира»», который образуется, когда сети частично покрывают друг друга и соединяются с другими сетями. «Сетевая взаимосвязь социальных отношений, явлений «маленького мира», дает свидетельства, что он совсем не прост, а продвинул во многих отношениях», – отмечает социолог¹⁸. Это выражается прежде всего в том, что суммарная ценность «маленького мира» зависит не столько от увеличения арифметического числа включенных

в него узлов, сколько от роста пространства, в котором задействовано определенное число его членов. Так, Интернет–сеть или телефонная компания «диспропорционально получает прибыль даже от небольшого увеличения числа сетевых пользователей... Сети могут производить огромные нелинейные увеличения в производительности»¹⁹.

Заметим, что Интернет зародился и развился из многочисленных, относительно небольших технологических и организационных инноваций, как результат интерференции целого ряда сетей, взаимодействия ученых–теоретиков и технологов–практиков. Сказанное выражает ту истину, что в сложных сетевых системах, к которым относится и «маленький мир», фактор взаимозависимости, слабых связей может иметь большие последствия, проявляющиеся, как правило, резко и драматически. На наш взгляд, эта истина имеет прямое отношение к перспективам развития российской науки. Создание новейших научных центров типа «Сколково», конечно, значимо. Но количественное увеличение подобных центров имеет свои пределы. Гораздо важнее создать принципиально новые взаимосвязи ученых, адекватные сложному социуму.

Исходя из реалий сложности, это должна быть сеть «маленького мира» ученых, в котором отдельно взятые научные школы–сети частично покрывают друг друга и соединяются через слабые связи с другими научными сообществами, включая как российских, так и зарубежных партнеров (регулярно действующие семинары, презентация трудов, совместные конференции и т.д.). Именно движение к сетевому взаимодействию ученых, по нашему убеждению, может привести к нелинейным, диспропорционально неожиданным и в то же время великим, прорывным результатам как в теоретической науке, так и в сфере инновационных технологий.

Названные некоторые черты сложного социума, разумеется, не отражают всю его многогранность. К этому следует добавить, что наряду со сложным социумом появляется социум гиперсложный. Под понятие гиперсложного социума, – отмечает российский исследователь В.П. Шалаев, – подпадает современная цивилизация, сложная техника, информационная технология²⁰, «социум, приобретающий характер неконтролируемости и неуправляемости со стороны человека».

Риски сложного социума. Знаменательным событием X Конгресса Европейской социологической ассоциации стала специальная сессия «Общество риска – 25 лет спустя», которая внесла существенный вклад в понимание сложного социума в связи с анализом современных рисков. Как известно, четверть века назад немецкий социолог Ульрих Бек издал книгу «Общество риска», положившую начало новому направлению исследований – рискологии. Но динамика социума столь велика, что ныне мы уже имеем дело, по существу, с иными реалиями, которые

■ Социология

востребовали новый теоретико-методологический инструментарий.

Сам Бек в новой работе, изданной на немецком языке в 2007 г., а на английском – в 2010 г. (по существу, широкому читателю она стала доступна на X Конгрессе) предложил новаторскую теорию «мирового общества риска». Ученый подчеркивает, что «категория мирового общества риска контрастирует с той, которая обозначает общество риска». Это, по его словам, востребовало «введение и развитие целых серий концептуальных инноваций»²¹. По Беку, то, что выводит мировое общество риска за пределы общества риска, «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть инценирование реальности [англ. staging of reality; нем. Realitätsinszenierung] глобального риска... «Инценирование» здесь не предполагает в разговорном смысле намеренную фальсификацию реальности посредством преувеличения «нереальных» рисков. Разница между риском как ожидаемой катастрофой и реальной катастрофой заставляет нас воспринять роль инценирования серьезно. Ибо только через воображение и инценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время. В таком случае диагноз риска превращался бы в «самоисполняющееся пророчество»²²...

Немного преувеличивая, можно сказать: не сам террористический акт, а глобальное инценирование акта и политические ожидания, действия и реагирования в ответ на инценирование – вот то, что разрушает западные институты свободы и демократии. Ограничение индивидуальных свобод заметно на многих уровнях – от увеличения числа камер слежения до ограничений иммиграции, – что не является просто эффектами реальных катастроф (например, актов террористического насилия). Они являются результатом таких практик и их глобализированного ожидания»²³.

Эта формула методологического толка требует детализации, в связи с чем У. Бек высказывает целый ряд конкретных соображений. На наш взгляд, они могут дать импульс к углубленному исследованию новых рисков усложняющегося российского общества. Отметим лишь шесть из них, которые представились нам особенно значимыми.

Во-первых, «теория мирового общества риска обосновывает различие между старыми и новыми рисками». Последние обладают тремя характерными чертами, ибо они:

1) «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством);

2) «неисчислимы» (ибо включают «гипотетические» риски, основанные на научно обобщенных гипотезах и нормативном инакомыслии);

3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое

климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека», вызванные генетическим воздействием)²⁴.

Во-вторых, в отличие от общества риска, в условиях мирового общества риска, по существу, «стираются различия между риском и культурным восприятием риска». На этой почве формируется воистину парадоксальная реальность: «Не имеет значение, живем ли мы в мире, который «объективно» более безопасен, чем тот, который был ранее – инценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие»²⁵.

Иными словами, виртуальные риски могут восприниматься как большая реальность, чем объективное содержание угроз. За этим следуют отнюдь не всегда рациональные превентивные действия. Россияне на себе испытали последствия инценирования риска свиного гриппа. Иракцам не повезло больше – инценирования риска оружия массового поражения, которое так и не было найдено, привело к таким превентивным действиям, которые изменили судьбы миллионов далеко не в лучшую сторону.

В-третьих, смысл определений риска становится своего рода материальной силой, задающей характер сознания и поведения людей. Как заявляет Бек, то, что отношения производства в капиталистическом обществе представляли для Карла Маркса, то отношения определения риска представляют сегодня: ««Отношения определения» основываются на контроле над «средствами определения», над научными и легальными правилами. Здесь аналогично существуют «собственники средств определения» – конкретно ученые и эксперты – и граждане, «лишенные средств определения», которые имеют зависимый статус «простых людей» и которые подвержены власти определения и выбора экспертов, решающих от имени всех»²⁶.

Все «простые» россияне полагаю, испытали на себе, что значат отношения определения риска: представления о рискованности той или иной диеты буквально меняются на глазах. Пример тому – пресловутые БАДы (биологически активные добавки). Не хотелось бы верить, но, думается, «авторитетное мнение» экспертов зачастую обусловлено не только медицинскими показаниями, но и коммерческими факторами.

В-четвертых, возникает парадокс между новыми угрозами и страхованием от них. ««Остаточное общество риска», – пишет Бек, – превратилось в нестраховое общество, в котором страховая защита парадоксально уменьшается с увеличением угрозы. Ибо нет института, нет реального или предположительно возможного института, который мог бы быть готовым к «максимально вероятному инциденту», и нет социального порядка, который мог бы гарантировать социальную и политическую целостность в такой ситуации»²⁷. Полагаем, что для современной России нужны иные по функциям структуры страхования, которые через сетевое

взаимодействие могли бы, по крайней мере, не уменьшать страховую защиту россиян.

В-пятых, принципиально новые террористические риски подрывают и трансформируют основы международной политики. «Суицидальный терроризм, достигший космополитического уровня... – пишет Бек, – эксплуатирует различие между (возможной) угрозой и (актуальной) катастрофой... Катастрофа сама по себе пространственно, временно и социально фиксирована, имеет хорошо определяемые начало и конец. Это не истина террористического риска, представляющего инсценирование и ожидание катастрофы. Глобализация террористической угрозы, прежде всего, проявляет себя как глобализация ожидания возможных террористических атак почти по всему миру и в любое время... Мировое общество риска вынуждает нацию-государство признать, что оно не может выполнять ее же самопровозглашенное конституционное обязательство: гарантировать своим гражданам то, что является высшим правовым благом – их безопасность. Единственно возможный ответ глобальному террору – равно как глобальным финансовым рискам, климатическому изменению и организованной преступности – транснациональная кооперация. Чтобы достичь ее, фактически утрачивающие власть нации-государства должны переступить через себя и фикцию автономности, если они намерены заслужить политические дивиденды от нового, общего суверенитета в преодолении национальных и глобальных проблем»²⁸. Кроме того, возрастает роль гражданских движений вне государственных границ. В совокупности эти движения, по мысли У. Бека, образуют «космополитическую форму государственности»²⁹.

На наш взгляд, с одной стороны, это – гипотетическое видение перспектив трансформации международного порядка, рассчитанное не на одно десятилетие. Но с другой стороны, уже сегодня необходима транснациональная кооперация мирового сообщества, как государственных, так и негосударственных акторов, для противодействия организованной преступности, по существу выступающей в космополитической форме.

В-шестых, социолог настаивает на смене методологических подходов анализа рисков. «Традиционный инструментальный риск-менеджмента концентрируется на стандартных процедурах и рассматривает экстремальное как неважное. Этот подход вводит в заблуждение в мировом обществе риска, которое требует поворота к нелинейному подходу: исключения, которые только, вероятно, подтверждают правило, должны быть в главном фокусе внимания»³⁰.

При этом возрастает роль фактора незнания. «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле, – заявляет Бек. – В противоположность домодерновой эре, оно не может быть преодолено большим и лучшим знанием, большей или лучшей наукой;

скорее, как раз наоборот: оно – продукт большей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Так, жить в среде созданного незнания – означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать»³¹.

У. Бек особо подчеркивает: взрыв ядерного реактора в Чернобыле сопровождался «взрывом незнания», что, по существу, привело к образованию «пост-Чернобыльского мира»³². В результате возникает «ловушка риска», предполагающая парадокс решения, сочетающий и его необходимость, и его невозможность: «Чем больше угроза, чем больше разрыв в знании, тем больше необходимость и невозможность принятия решения»³³.

Думается, выход из ловушек риска лежит в более тесной интеграции естественных, социальных и гуманитарных наук, что предполагает качественно иную интеграцию ученых. Такая интеграция позволила бы:

- с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в единстве с природой;
- с другой стороны, осуществить поиск новых форм гуманизма, включая гуманистическую направленность любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сетевом сообществе народов.

Очевидно, что в условиях сложного социума старые критерии прогресса утрачивают свою функциональность. Недостаточно оценивать уровень развития общества по критериям валового производства, благосостояния и даже степени развития демократических свобод, что, несомненно, важно само по себе. Однако, по нашему убеждению, возрастающая значимость должна отводиться критериям гуманизации социума:

- индивидуальную безопасность;
- качество физического и духовного здоровья населения;
- продолжительность жизни;
- состояние экологии;
- характер взаимоотношений с природой, включая последствия использования природных ресурсов нынешним поколением для грядущих поколений.

Необходимость переоткрытия морали. О переоткрытии в условиях сложного социума пространства и времени написано немало³⁴. Полагаем, ныне настала пора иначе посмотреть на такой социальный институт, как мораль, с учетом качественного усложнения ее природы. Традиционно мораль понимается как «совокупность ценностей и норм, которые ориентируют поведение людей в соответствии с принятым в обществе представлением о добре; особая форма общественного сознания и вид общественных отношений (моральные отношения), которые возникли из необходимости регулировать вза-

■ Социология

имоотношения людей в человеческом общежитии, согласовывать их действия, поступки для сохранения целостности определенной социальной общности... Моральные принципы и нормы универсальны по своему характеру и применимы в разных сферах жизни: в политических и трудовых отношениях, в отношениях между народами и государствами, между отдельными личностями»³⁵.

В этом определении, по существу, предполагается твердость ценностей и норм, распространяющихся на все общество (радикальные трактовки включают даже общества – «народы и государства», исходя из «универсальности» принципов и норм), у членов которого есть единое представление о добре. А те, кто данное представление не разделяет, соответственно являются девиантами. Также предполагается, что общественное сознание стабильно, центрично вокруг конкретных идеалов, в нем нет ни парадоксов, ни сегментов, ни кентавризмов, ни расколов и т.д., что обеспечивает в итоге целостность социума. Можно ли встретить такую мораль в реальной жизни?

Можно. Но только в весьма ограниченном и закрытом социуме (религиозные организации, общности представителей субкультур и контркультур). Она сохранилась как частный случай. Как один из ряда типов морали, что никак не согласуется с «универсальностью» моральных принципов и норм. А ведь сравнительно недавно такая мораль была тотальной – имела арочный характер, то есть распространялась действительно на все общество. Под ее аркой оказывались богатые и бедные, руководители и руководимые, верующие и атеисты. Ее арочный характер проявлялся и в том, что она охватывала представителей всех профессий, что, однако, не исключало специальные кодексы поведения для конкретной деятельности. Но, подчеркнем, эти кодексы носили не самостоятельный, а специфический характер в рамках «универсальных» принципов и норм.

Ее всеобщность проявлялась в распространении на все жизненное пространство – общение, труд, политику, сделки купли–продажи, любовь, брачно–семейные и сексуальные отношения и даже поведение за столом. Причем моральные принципы и нормы утверждались с помощью жестких, порой жестоких санкций. Само собой разумеется, что ни о каком выборе моральных норм, перехода от одних к другим моральным принципам, реально функционирующих у других народов и государств, не могло идти и речи. Презумпция же того, что наша мораль носит «универсальный» характер, основывается либо на взгляде наблюдателя, находящегося в закрытом социуме, либо, как показал французский социолог П. Бурдьё, на более или менее осознанной «стратегии легитимации» идеала добродетели конкретной социальной группы, который в смысле теоретическом, когнитивном «является субъективным и частичным».

«И это нигде так не справедливо, – продолжает социолог, – как в чисто политической борьбе за монополию легитимного насилия, за право диктовать право, истину, благо и все так называемые универсальные ценности, где ссылка на универсальное, на праведное, является оружием *par excellence*»³⁶. Добавим, что гипотетическое сохранение «универсальности» моральных принципов предполагает и линейное развитие социума, которое в целом ушло в прошлое (сохраняется лишь в закрытых анклавах), и какое–либо центричное развитие (по типу евроцентризма, американоцентризма, мирового либерализма или коммунизма), что просто оказалось утопией.

Под влиянием усложнения социума, его нелинейного развития мораль не исчезает вообще, но качественно изменяется ее природа. Мы исходим из того, что на содержание морали влияет комплекс факторов сложности, среди которых особо отметим следующие:

– «стрела времени», сокращающая количество долгоживущего социума и увеличивающая количество короткоживущего, что прямо касается ценностей, норм, идеалов, референтов;

– самоорганизация социальных институтов, включая институт морали, утверждающий свои стандарты и принципы в данном процессе (при этом его качества уже не сводятся к свойствам частей – совокупности функционирующих ценностей, принципов, норм);

– нелинейность развития представлений о добре и зле (гомосексуальная связь, еще вчера считавшаяся пороком, ныне легитимизируется даже некоторыми церквями, которые «узаконивают фактический брак»);

– резкое увеличение точек бифуркаций в развитии морали, что обусловлено приходом многочисленных культурных гибридов в нашу жизнь, порождающих, в свою очередь, культурные травмы и нравственные разрывы;

– плюрализация социального времени соответственно способствует плюрализации морали – неизбежно возникают принципы и нормы, адекватные типам социального времени;

– мобильности еще больше открывают уже достаточно открытый социум, создают тем самым почву для «старения» определенных нравственных ценностей и норм, равно как и зарождения/заимствования новых; распространение парадоксов и кентавр–явлений. Они, как показал известный российский социолог Ж.Т. Тощенко, «помогают скрывать сущность происходящего, вуалируя сущее, содержание»³⁷.

От себя добавим – способствуют нравственной дисперсии. Все эти и другие факторы радикально изменяют природу морали, усложняя ее. С учетом того, что атрибутивным качеством утверждающейся морали является становление, текучесть (в реально обозримом времени происходит изменение принципов и норм жизни, просачивание в нее «иноподобных» ценностей, их слияние с ценностями традиционными и обра-

зование культурных гибридов), мы предлагаем утверждающуюся ныне мораль, используя методологию З. Баумана, именовать текучей моралью. В отличие от прежней, арочной морали, к которой мы так привыкли и которую любили за постоянство и определенность принципов, четких границ того, что хорошо, а что плохо, новая мораль постоянно преподносит нам плюрализм, эмерджентность, неопределенность и турбулентность «правильных» принципов и норм.

Более того, она каждого из нас ставит в условия соблазна и необходимости выбора среди множества возможностей, что впоследствии будет определять суть нашей самоидентификации. Принцип «Нельзя не выбирать», по существу, органично включен в текучую мораль. Раньше мы унаследовали идентичность от рождения или, по крайней мере, стремились обрести желанную идентичность в контексте достаточно стабильных представлений о добре и полезности, которые в значительной степени задавались моралью. Ныне же «проблема, мучающая людей», как замечает З. Бауман, состоит в том, «какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт»³⁸.

Разумеется, каждый такой выбор сопровождается переходом в иную систему нравственных координат. И именно поэтому, заявляет социолог, нет такого явления, как универсальная, общая для всех мораль; моральные конфликты не могут быть разрешены в силу отсутствия устойчивых моральных принципов; вместе с тем особую значимость приобретает потребность быть для другого³⁹; люди просто обречены на жизнь с неразрешимыми моральными дилеммами⁴⁰. При этом ни сам выбирающий, ни его родители и близкие люди, ни консультирующие эксперты, ни даже экспертные системы не могут дать гарантии того, что выбор «правильных» принципов и норм не содержит латентных опасностей в виде неожиданных проявлений зла в виде тех или иных дисфункциональностей.

Если у прежней, арочной морали был очевидный вектор развития нравственных личностей, характер которого в разных культурах определялся такими факторами, как религия, идеология, философия (по И. Канту – разумный человек не мог не принять определенных доводов, на основе которых им обосновывался этический закон, сила которого распространялась – де на всех). Все эти факты были (и остаются!) функциональными для относительно стабильного и закрытого социума, что конкретно проявлялось/проявляется в жестком детерминизме моральных принципов. Но в динамичном, нелинейно развивающемся, открытом и турбулентном социуме они утрачивают свою прежнюю функциональность. Отсюда – неопределенность, распространяющаяся и на мораль, которая по-новому функциональна в контексте неопределенности – презумпции нелинейности

развития, отказа от принудительной каузальности, признания сложной причинности.

Подчеркнем, что главной причиной зарождения, распространения и востребованности текучей морали является не безнравственность современного поколения людей, не их грехопадение, а реалии перехода к сложному социуму. Именно данный тип морали помогает адаптироваться к неопределенностям и турбулентностям современного мира. Без нее люди не смогли бы вообще заниматься инновационной деятельностью (осуществить, к примеру, переливание крови, пересадку органов, что по-прежнему является табу в некоторых культурных локалах/анклавах). Без морали этого типа не состоялась бы эмансипация ни социальной, ни политической, ни экономической сфер жизнедеятельности. Не было бы ни современного типа деловой женщины, ни столь желанного открытого общества и тех мобильностей, которые оно представляет своим членам.

Вместе с тем жить по принципам текучей морали действительно сложно. В арке прежней морали все социальные явления имели однозначно черные или белые тона, конкретно были очерчены границы дозволенного – недозволенного. Текучая же мораль изначально предполагает нравственно амбивалентные реалии.

В качестве гипотезы выскажем следующее суждение: латентной стороной сложного открытого социума является появление нравственно амбивалентных реалий, порождающих моральные травмы. Отношение к ним неоднозначное: одни люди ищут для себя возможности сохранения четких, стабильных моральных принципов, что может быть реализовано в обращении к церкви или секте; другие – проходят через моральные разрывы к образованию моральных кентавризмов и в конечном счете – к принятию принципов текучей морали.

Полагаем, глубинной и латентной причиной развития событий в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Азии, да и в Европе является то, что текучая мораль стала пускать корни: сама возможность плюрализма и выбора принципов организации жизни сметала на своем пути традиционные ценности и нормы, рушила, казалось бы, непререкаемые авторитеты. Существовавшие веками социально-политические институты дали структурно-функциональный сбой. Жизнь показывает, что силовыми методами (внутренними или внешними) текучую мораль не остановить, с ней нужно научиться жить, отвыкая от простых подходов к усложняющимся социальным реалиям. Сделать это через формирование инновационного взгляда на усложняющийся социум вполне возможно.

Современная мораль нелинейно вытекает из некоторых социальных сфер, при этом нелинейно втекает в новые. Если мораль перестает функционировать в том или ином социальном поле, то это отнюдь не означает, что добро вообще уступает место злу. Как правило, имеет

место появления иных регуляторов социальной жизни – правовых и/или рациональных. Текущая мораль, в частности, постепенно уходит из экономической деятельности. Так, согласно коммунистической и некоторым религиозным моралям, частная собственность, безусловно, олицетворяет зло. Принципы же текущей морали нейтрально оценивают наличие или отсутствие собственности вообще. Само же функционирование собственности ныне все более регулируется принципами различных типов рациональности и правовыми нормами. При этом сохраняется моральная ответственность собственников за функциональность социума в целом (спонсорство, благотворительность и т.д.).

Также мораль нелинейно отделяется от политики. Известный немецкий социолог Н. Лукман отмечает: «Мы наблюдаем структурное нетождество морального кода и политического кода... Нет никакой простой редукции политики к морали – разве что в политических системах, которые морально дисквалифицируют политических противников и при помощи этого аргумента удаляют их из политики»⁴¹.

Мы согласны в принципе с данным суждением, но не разделяем его радикальность. Нам представляется, что амбивалентный процесс прагматизации и игризации политики с вытеснением привычных моральных идеалов, пусть даже утопического толка, замена их кентаврными потешного и серьезного подрывает социальную активность и энтузиазм людей, и это является весьма важной причиной падения интереса к политике вообще. Россияне – пассионарный народ, испытывающий повышенную тягу к энергичной, морально обусловленной политике. По нашему мнению, политика модернизации страны должна включать и достижение определенных, весьма конкретных нравственных целей, сохранив дух идей таких величайших социологов, как М.М. Ковалевский и П.А. Сорокин.

Примерно аналогичные процессы происходят в социальной и бытовой сферах. Если в условиях аточной морали «обосновывалась» корреляция между болезнями и моральной греховностью, то ныне подобные взгляды интерпретируются просто как невежественные. Нет прямой корреляции даже между СПИДом и аморальностью, ибо, к сожалению, известны случаи ВИЧ-инфицирования в лечебных учреждениях.

Очевидно, пришло время отказаться и от упреков в «моральной слабости» спортсменов, проигравших на соревнованиях, а скорректировать в будущем их профессиональную подготовку, разумеется включающую и психологический компонент. Победитель же далеко не всегда отличается приверженностью высоким моральным принципам и вообще нравственной порядочностью. Вместе с тем в принципиально новом сложном социуме утверждается уже

собственно текущая мораль. К такому социуму прежде всего следует отнести социальные сети, в которых задействованы как индивидуальные акторы (физические лица), так и акторы коллективные (юридические лица). Сама качественная разноплановость субъектов взаимодействия, каждый из которых может руководствоваться своими моральными принципами, предполагает наличие собственно сетевых ценностных регуляторов, позволяющих обеспечивать ее функциональность при осуществлении акторами социальных обменов друг с другом. В идеале желательно, чтобы акторы не просто функционально взаимодействовали, но и легитимизировали при этом определенные моральные принципы, связывающие их друг с другом на гуманной основе.

К новому социуму относятся и современные корпорации, в которых, как правило, утверждается тот или иной тип текущей морали. Ее принципы находят закрепление в виде достаточно жестких кодексов профессиональной этики. Но ускоряющаяся социальная динамика соответственно побуждает переход от одного типа корпоративной культуры к другому, после чего с неизбежностью следуют изменения и в моральных принципах функционирования, и в этических кодексах.

Новые типы рациональности не только вытесняют моральные нормы традиционного типа, но могут образовываться на основе синтеза принципиально новые рационально-моральные принципы жизнедеятельности. Как считает М. Кастельс, тенденции глобализации и развития глобальной культуры предполагают формирование в сферах политики, экономики, информации качественно нового, надцивилизационного уровня взаимодействий⁴².

Такие взаимодействия, по нашему мнению, предполагают постепенную выработку общих рационально-моральных норм поведения, адекватных взаимодействиям сетевого типа, то есть горизонтальных связей равных участников, а не вертикальных иерархических отношений господства-подчинения. На наших глазах формируется и глобальное человеческое общежитие, которое также не может обойтись без моральных регуляторов – развивается и утверждается космополитическая ответственность и космополитическая этика. Как отмечает немецкий социолог У. Бек, эта этика основана на «истинном прощении», состоящем в «прощении непрощаемого». Причем «не только Бог должен прощать, но люди должны прощать людям»⁴³. В рамках традиционной морали сделать это просто невозможно. Здесь функциональны только принципы текущей морали.

Особо отметим, что текущая мораль, плюралистическая по своей природе, достаточно толерантна к иным типам морали. Она прекрасно сосуществует с традиционной моралью, что в принципе позволяет всем мировым религиям воспроизводить и поддерживать свои

моральные нормы поведения, делая их функциональностью долгоживущей. Моральные нормы поведения также сохраняются в архетипах сознания людей. Современные социологические исследования, проведенные сотрудниками Института социологии РАН, свидетельствует, что потенциал Добра в общественном сознании и поведении россиян присутствует, хотя приобретает новые черты и качества.

«Идут внешне не очень заметные, но тем не менее достаточно интенсивные процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных сообществ... Многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но к еще большей степени – готовность к такого рода участию в будущем»⁴⁴. Отрадно и то, что 30% представителей среднего класса самым главным в воспитании детей в современных условиях считают воспитание честности и доброты⁴⁵.

Как было отмечено выше, имеет место нелинейное развитие, самоорганизация морали. Однако данная тенденция отнюдь не исключает фактора организации со стороны социальных субъектов. Конечно, речь не идет о возврате к тотальной заорганизованности социальной жизни, а об управляемой самоорганизации, о нахождении оптимального единства самоорганизации и моральной организации. Не происходит линейного, механического замещения одних нравственных принципов другими. При дисфункциональности организующего начала вакуум, образуемый уходом традиционных моральных принципов, может быть заполнен принципиально новыми формами асоциальности, девиации, а то и преступности. Некоторые из них не имеют культурных корней в нашей стране, но пришли к нам буквально за последние 20 лет не только вследствие открытости социума, но, прежде всего, слабости субъективного фактора – отсутствия превентивных мер противодействия асоциальности. Это, в частности, наркомания, похищение людей, нелегитимная трансплантация человеческих органов, игромания, нацизм и расизм, новые формы терроризма.

Всего лишь 20 лет назад мы знали, что это зло где-то очень-очень далеко и уж нас-то никогда не коснется. Без должной политической

воли новое, невиданное ранее зло не просто коснулось, а пришло в дом практически каждого россиянина. Нельзя наши моральные проблемы перекладывать исключительно на объективную сложность социума. Ныне возрастает роль субъективного, собственно человеческого фактора относительно того, в каком обществе мы живем и будем жить. В динамично развивающемся социуме, как никогда, значима роль моральной организации самоорганизующихся реалий, нахождения оптимального соотношения между самоорганизацией и организацией.

По нашему мнению, особенно организационное начало необходимо направлять на поддержание и сохранение долгоживущих принципов и авторитетов, укоренившихся в ментальности народа представлений о Дobre, которые, весьма ригидны, мало подвержены изменениям, передаются из поколения в поколение и, по существу, являются весьма важными ориентирами для выборов людьми тех или иных моральных координат. Важно сберечь исторические памятники архитектуры, объекты культурного наследия вообще, которые также задают нравственные ориентиры, включая их в повседневную жизнедеятельность людей.

Переоткрытие морали предполагает не только и не столько выявление ее новых параметров, обусловленных сложным социумом турбулентного времени, сколько активную роль людей в формировании гуманных форм жизнедеятельности. Моральные принципы, пусть даже текучие по существу, могут субъективно конструироваться. Объективный процесс усложнения социума и морали может и должен быть управляемым со стороны Человека гуманного, творящего Добро.

Kravchenko S.A. *The Emergence of Complex, Un-linear Developing Socium: The Challenges to Russia.*

Summary: *The article deals with the problems of the outcomes of entering the complex society by the humanity. The complex social realities require consequently the complex theory. Through its basic principles the newer risks of "World Risk Society" (U. Beck) are analyzed. One of the features of the social complexity is radical changes in the morality as a social institution. The concept of the liquid morality and its rediscovery is proposed. The author argues that this morality facilitates the adaptation to the more complex social and cultural dynamics.*

Ключевые слова

Сложное общество, «стрела времени», рефлексивность, риски, мораль, текучая мораль, неодетерминизм, амбивалентные реальности.

Keywords

Complex society, «the arrow of the time», reflexivity, morality, liquid morality, neodeterminism, ambivalent realities.

Примечания

1. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001.
2. См.: Степин В.С. О философских основаниях синергетики. Синергетика: Будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
3. См.: Sztompka, P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991; Штомпка П. Социальное изменение как травма. Социс, 2001. № 1.
4. См.: Archer, M.S. Structure, Agency and Internal Conversation. Cambridge: 2003.
5. См.: Foucault, M. Governmentality // The Foucault Effect: Studies in Governmentality. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
6. См.: Ritzer, G. The Mcdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.
7. См.: Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. М.: МГИМО–Университет, 2006.
8. Urry, John. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 19, 21.
9. Urry, John. Global Complexity. P. 22.
10. См.: Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.
11. Urry, John. Global Complexity. P. 105.
12. Urry, John. Global Complexity. P. 106.
13. Urry, John. Global Complexity. P. 23.
14. Urry, John. Global Complexity. P. 36.
15. Perrow, Ch. Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999. P. 5.
16. См.: Perrow, Ch. Normal Accidents... P. 11.
17. См.: Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа–М, 2009.
18. Urry, John. Global Complexity. P. 52.
19. Urry, John. Global Complexity. P. 52–53.
20. См.: Шалаев В.П. Синергетика в пространстве философских проблем современности. Йошкар–Ола, 2009.
21. Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 9.
22. То, что я здесь называю “инсценированием” риска, в социологии также обсуждается в терминах “социального конструирования” или “социального определения” риска. Прим. У. Бека.
23. Beck, U. World at Risk. P. 10.
24. Beck, U. World at Risk. P. 52.
25. Beck, U. World at Risk. P. 11.
26. Beck, U. World at Risk. P. 33.
27. Beck, U. World at Risk. P. 27–28.
28. Beck, U. World at Risk. P. 39, 41.
29. Beck, U. World at Risk. P. 66.
30. Beck, U. World at Risk. P. 51.
31. Beck, U. World at Risk. P. 115.
32. Beck, U. World at Risk. P. 116.
33. Beck, U. World at Risk. P. 117.
34. См., например: Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии, 1989. № 8; Его же. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М.: Ком Книга/URSS, 2006; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.
35. Мораль // Социологическая энциклопедия: В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 2003. С. 683–684.
36. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 326.
37. Тощенко Ж.Т. Кентавр–проблема: опыт философского и социологического анализа. М.: Новый хронограф, 2011. С. 48.
38. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 185.
39. См.: Bauman, Z. Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.
40. См.: Bauman, Z. Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993; Bauman, Z. Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality. Oxford: Blackwell, 1995.
41. Луман Н. Честность политиков и высшая аморальность политики // Вопросы социологии. 1992. Том 1. № 1. С. 75.
42. См.: Castells, Manuel. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2010.
43. Beck, U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press, 2007. P. 46.
44. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М.К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 444.
45. См.: Социологический портрет современной России... С. 305.